Автор: Лелик А. (Украина)

Экзистенциальная практика рассматривает события человеческой жизни не в причинно-следственных связях, а в контексте. Важным становится все: время, пространство, опыт, сказанное, несказанное, пережитое, забытое, одним словом — все! В кропотливой работе над преображением своей жизни станут понятнее философы, классики и окружающие люди, если их мысли и чувства вплетены в канву собственной жизни. Для меня раскопка моих корней стала во многом тем самым контекстом, который мне здорово помог «грызть» гранит философских знаний. Хотелось бы поделиться своим опытом в том, как безличные, абстрактные фразы, изречения и труды и мысли могут стать не просто понятными, но личными и жизненно важными.

История 1 (прадед по линии матери)

Есть два прошлых: прошлое, которое было и которое исчезло, и прошлое, которое и сейчас для нас есть как составная часть нашего настоящего. Второе прошлое, существующее в памяти настоящего, есть уже совсем другое прошлое, прошлое преображенное и просветленное, относительно его мы совершили творческий акт и оно вошло в состав нашего настоящего...

Н.А. Бердяев

Как и всем слушателям института экзистенциального консультирования, мне было задано собирать архив, «память будущих поколений». Моему сопротивлению не было предела: для чего, мол, что это даст, и без этого живется как-то и т.п.

Неизвестно, сколько бы я служила своему сопротивлению, оставаясь без «памяти», но случилось чудо! Не глобальное (ведь глобальных чудес не бывает), а мое, семейное, маленькое. В день, когда нам было задано собирать семейные архивы, я пришла домой с полным беспорядком в мыслях и в скверном расположении духа. Я учусь в том городе, где выросла и прожила большую часть своей жизни, пока не переехала жить в Киев. Когда я приезжаю на сессии, то живу у своих родных: мамы, бабушки, дедушки.

Желание «поэкспериментировать» в какой-то момент взяло верх. Закрывшись с бабушкой на кухне, я начала ее «пытать» на предмет семейных историй. И тут они встретились: мое сопротивление «бессмысленному» заданию и ее сопротивление воспоминаниям. Так и вышло: я борола ее сопротивление — азарт наследницы проснулся, а она мое — вспоминать оказалось удивительно радостно. Мы говорили об ее отце — моем прадеде. Я слушала о нем впервые: бабушка призналась, что ни разу не вспоминала о нем, с тех пор как он умер. А не стало его пятьдесят девять лет назад, когда ей было всего восемь — как сейчас моей старшей дочери. То есть третье поколение живет, вычеркнув из истории память о своем предке. Прадед имел сложный характер и, придя с войны, стал представителем того самого «потерянного поколения» — вне войны он считал себя никем, жизнь виделась пустой, не имеющей смысла. Работа, семья, дети — все стало постылым и бессмысленным. Он стал много пить и умер 1949 году.

Удивительно тепло вспоминала его бабушка, названная по настоянию отца в честь «великого вождя» Сталиной и бывшая его любимицей (возможно, потому что родилась в первый год войны). Глаза ее светились, она плакала от «мелочей», которые всплывали в ее памяти. Вот отец, тайком от матери, разрешает не идти в школу (уж очень не любила моя бабушка ходить в первый класс), и они целый день бродят по городу. Вспоминала, что говорил он ей в те прогулки и как они придумывали отговорки для мамы. А потом его смерть — и все... умер. Она плакала от того, что все это время он действительно был мертв — она словно забыла его, своего «первоклассного спасателя». Посидев еще немного, мы разошлись по своим комнатам. Через двадцать минут бабушка постучала ко мне. Вошла — помолодевшая буквально на глазах, словно молодильных яблок съела. Еле сдерживая слезы, говорит: «Я посчитала: завтра как раз день смерти моего отца!» — вот и помянули. По-настоящему, по-православному: доброй памятью, искренними слезами.

Через какое-то время бабушка снова была в моей комнате, но уже без стука: «Представляешь, сегодня день памяти святого Прокопия. Получается, у папы сегодня

именины». Вот так совпали день Ангела, день смерти и воспоминания о моем прадеде, ставшие теперь живым архивом памяти будущих поколений.

После такого опыта я иначе стала смотреть на задание о памяти поколений. И пригласила в гости папу, который живет в другом городе. Папа живет отдельно со своей второй семьей, с тех самых пор, как я его помню. Но тут снова были благоприятные совпадения: папин кризис, то ли возрастной, то ли экзистенциальный, и мое искреннее желание узнать больше: о предках, о семье, о нем и о себе.

□□□□ История 2 (прадед по линии отца)

Витальность, способная выстоять перед бездной отсутствия смысла, осознает присутствие скрытого смысла внутри разрушения смысла.
П. Тиллих

Опоздав лишь на одну минуту, он потерял все, ради чего жил: семью, работу, веру в Партию и светлое будущее. Но остался ли при этом смысл? Или вера в то, что все это не напрасно?

Во время Великой Отечественной войны железную дорогу, хотя она и была гражданским объектом, перевели на военное положение. Василий — так звали моего прадеда — работал на железной дороге города Уфы, был крупным начальником. На работе его любили и уважали за его неиссякаемое чувство юмора и простоту. Дома его ждала любимая жена Анна и четверо детей — два сына-юноши и две дочери. Ночью жене неожиданно стало плохо, ее пришлось срочно везти в больницу. Остаток ночи он сидел под окнами больницы, ожидая приговора врача. Потом были какие-то списки анализов, лекарств, назначений — время стало двигаться хаотически: то ли неслось, то ли ползло. Как известно, в те времена строго было со многими вещами, в том числе и с опозданиями. Цена времени была исключительно дорогой, часто дороже самой жизни. Опоздать можно было не более чем на пятнадцать минут — тогда светил выговор. Но если хоть минутой больше, то вместо выговора уже приговор, без суда и следствия. Ни

много ни мало — но это приравнивалось к дезертирству, а значит, дорога в штрафной батальон — батальон смертников.

Прадед не смог попрощаться ни с женой Аннушкой, ни с детьми. Не объяснил им, что Родины он не предавал и все это нелепо.

Похоронка пришла в 1943-м — для штрафника он очень долго «продержался». Для своей семьи он был и остается не штрафником, а героем, отдавшим свою жизнь за Родину. Место его гибели все эти годы никому не было известно. Но...

Из далекой Уфы, через города и страны, мой отец приехал жить в Мариуполь, в Украину. Несколько лет назад он ехал мимо города Изюма, где было одно из самых крупных сражений в 1943-м. Сейчас там огромный и красивый мемориал — дань погибшим воинам. Отец вышел к памятнику. В списке умерших — много «штрафников». Пробегая глазами по спискам, отец вдруг увидел до боли знакомое имя: Сорокин Василий Назарович, — и даты рождения и смерти совпадают. Много лет мой отец пытался найти место гибели своего деда, но безуспешно.

Стали посылать запросы в архивы, но не удалось найти ни опро-вержения, ни четких доказательств того, что это дед, — со штрафниками не очень тогда возились. Но папа верит, что это он. Ведь более чем полвека назад мой прадед защищал ту землю, которая позже станет и моей Родиной, местом, где я родилась и выросла.

Обрел ли что-то мой прадед, я не могу знать наверняка, но могу верить, надеяться, молиться о нем. Трагедия и линия его жизни становятся бесценными и не книжно-неподвижными, а живыми и способными учить и поддерживать.

Прабабушка, его жена Анна, прожила после него не много и не мало, а ровно столько, чтобы выросла и окрепла самая младшая дочь. Воспоминания ее детей и внуков очень

похожи: она никогда не повышала голос и обладала удивительным смирением. Возможно, однажды приняв сложнейший жизненный удар, она навсегда обрела эту добродетель. Как вспоминает мой отец, не было в жизни таких ситуаций, когда она бы отчаялась и стала роптать.

Жаль только, что это смирение не передается по наследству. Зато передается память поколений, которые учат тому, как стяжать добродетели.

История 3 (второй прадед по линии отца)

Смерть для того поставлена в конце жизни, чтобы удобнее к ней приготовится.
Козьма Прутков.
День долог для того, кто умеет жить.
А. Шницлер

— Ну, мать, снимай сапоги, мужик с работы пришел! — усевшись на крыльцо после первого в своей жизни трудового дня, сказал мой — тогда еще четырнадцатилетний — прадед Виктор. Мать с улыбкой, полной сочувствия, подошла к сидящему на крыльце сыну и... сняла с него сапоги.
Удивительное дело! Моя прапрабабушка была способна мыть ноги собственному сыну. Где же мое смирение, если приходящему с работы мужу я иногда ленюсь даже ужин приготовить. Но два слова в мое оправдание: женщины у них в семье никогда не работали, хотя все без исключения имели образование.

Позже, когда прадед Виктор вырос и женился, он сказал своей жене: «Ты мать моих будущих детей, моя жена, и это твоя профессия. Очень сложная». Слово он свое сдержал. Даже когда во время войны все, кто жил в тылу, должны были трудиться для фронта, кто как мог, он купил швейную машинку, отнес ее соседке и платил ей деньги за то чтобы она шила одежду для солдат вместо его жены. Жене, Антонине, в жизни не пришлось работать ни одного дня. Родив троих детей, она «работала» мамой и женой «сложного» (как считали все вокруг) мужа, всегда живя в достатке и в мире с супругом, несмотря на домостроевские установки. От их брака и родилась моя бабушка, которая стала женой дедушки, сына того самого «штрафника».

Примечательна для меня в жизни моего прадеда сама его жизнь, то, как он умел жить. Он всегда работал. Работал не распыляясь, а очень целеустремленно и плодотворно. Каждый день был важен, нужен, прожит не зря, осознаваем и ценим. Для того чтобы научиться жить, как известно, необходимо научиться умирать. У моего прадеда вышло точно так, но наоборот. Он научился жить, а потому и умирал он умеючи. В семьдесят пять лет он заявил всей семье, что «очень устал». Сказал, что жизнь он прожил полную, хорошую, достойную, но пора, как говорится, и честь знать. С того дня он лег в постель и больше не вставал. Приходили врачи и говорили одно и то же: он здоров, но будто сам решил умереть. Умереть он решил не будто, а вполне реально. Перед смертью сказал, что исполнил все, что задумал. Жена, как и прежде, проявляла смирение перед волей супруга и одна поддерживала мужа в его «странном» желании. Умер он тихо и спокойно, успев планомерно завершить все дела, попрощаться с семьей и друзьями. Вот только с сыном единственным попрощаться не смог. Поскольку выгнал его из дома за непослушание воле отца и запретил всей семье общаться с ним. Возможно, это и есть то единственное, о чем он впоследствии пожалел, когда уже невозможно было что-то исправить. Ведь с позиции вечности такими мелкими и несуразными выглядят наши ссоры и обиды. И как легко их прощать, стоит лишь добавить в них каплю вечности.

Две удивительные линии судеб привели к тому, что родились и выросли мои бабушка и дедушка, родители моего папы. Несмотря на то, что бабушка по линии отца умерла, когда мне было шесть лет, я много знаю о ней благодаря моему деду.

Дед мой стал для меня во многом идеалом и просто важным человеком.

Дед был военным. Он не любил телефон и не любил «лишних» разговоров. В последние годы своей жизни, когда мы переехали, он писал мне письма. Я же, непривыкшая к эпистолярному жанру ручкой да по бумаге, редко отвечала. Он умер внезапно. Я пишу ему письмо теперь. К сожалению, посмертное.

□□□□ История 4 (дед по линии отца)

Юношей ты прошел всю войну. Твою грудь украшают ордена (жаль, что только в праздники). Для меня они волшебные, святые. Переполняет гордость, когда майским днем, украшенный ими, берешь меня с собой. Неважно, куда идти с тобой — в пивную или на парад. Свои подвиги ты скрывал, говорил, что на войне все так делали. В школы накануне 9 мая приглашают ветеранов, говорят теплые слова, дарят цветы. Знал бы, с какой радостью вручаю я свои гвоздики. Наивно верю: если я так люблю «чужих» ветеранов, то и тебя сейчас любят дети из «чужой» школы, и какой-то школьник, улыбаясь, дарит тебе цветы. Ветеранов с каждым годом приходит все меньше.

Ты умел любить молча. Любовь твоя была в частых походах на загородное кладбище. Последние годы, с трудом передвигая ноги, плелся вдоль могильных оград. В одной руке целлофановый пакет из супермаркета — чекушка водки, пара яблок. Другой рукой бережно прижимал к груди рассаду цветов для любимой. Стоя там — не молился, не плакал, не говорил речей. Суетливо убирая бумажки и травинки, изредка шмыгал носом. Это был главный фильм о любви, виденный мною много раз.

Плакать ты не умел, давил в себе боль. Лишь иногда глаза слезились, и нос рукавом вытирал, торопливо уходя и целуя меня в щеку. Мы шутили, сверяя по тебе календарь и часы. Военный человек — характер на всю жизнь. Это я забывала тебя: включить в список гостей, навестить в Рождество, позвонить 9 мая. В ответ ни упрека, ни ропота.

Дети, внуки, а ты всегда один. Лишь бы нам было хорошо и спокойно.

Ушел так же молча. Умер словно старый солдат на войне — ни стона, ни ропота, ни упрека. Это я не могу смириться, ропщу и спрашиваю: почему? Почему ты умер не вовремя?

Я же только собиралась навестить тебя, принести давно обещанную книгу и пачку твоего любимого чая. Я собиралась пригласить тебя в гости и приготовить что-то необыкновенное. Я хотела поздравить тебя с Днем Победы. А ты до него не дожил. Не успела навестить, не успела пригласить, не успела сказать, не успела любить. Ничего

не успела.

Воспоминания о тебе светлые и горькие одновременно. Светлые потому, что в моем детстве было 9 мая и фильмы о войне, качели возле твоего дома, сказки народов мира, подаренные тобой, и бабушкины наручные часы на тонком ремешке, врученные — как семейная реликвия — в день моего двенадцатилетия. Горькие — потому что мне очень стыдно. Книга не была мною прочитана, а часы затерялись где-то в ремонтах и переездах.

Что оставил ты нам в наследство? Верность — бабушке, себе, Родине. Урок терпения — детям и внукам. Ордена и медали — цена мирного неба. Одиноких ветеранов, так бескорыстно любящих нас (нас, молодых, вечно спешащих в суете дней и неуспевающих главного). И конечно, вечную память...

Вспоминаю ли я тебя? Нет. Вспоминают то, что на какое-то время забывают. Так было раньше, пока ты был жив — забывала, вспоминала... Прошел год со дня твоей смерти, а я каждый день думаю о тебе. Думаю о твоей жизни, твоей вере, твоей любви, твоем характере и твоей доброте. Мысли эти быстрые, но очень меткие. Об одном жалею: почему не думала о тебе тогда, когда это было так необходимо тебе...

* * *

Мой дед оставил мне много уроков. Я помню и бережно их храню, и обязательно передам их своим детям, аккуратно, вместе с другими «живыми архивами».

Вот один из таких бесценных уроков — о святости слов, которыми мы часто так кощунственно разбрасываемся. «Не произноси имя Господа всуе». Мой дедушка не произносил имя Господа всуе. По-крайней мере, за свою сознательную жизнь я этого не слышала, а виделись мы часто — благо жили совсем рядом.

Он был атеист. Не идейный, а, как он говорил, по наследству. «Таким родился, таким умру. Что на старости лет меняться? Родители мои партийные были, я всю жизнь Родине отдал, какая уже разница, какой я, меня не переделать», — говорил он мне, приходя ко мне в дом и разглядывая иконы в углу. На иконы он смотрел с любопытством и даже трепетом; так и казалось, что он вот-вот перекрестится и приложится к образу. Перехватывая взгляд, изучающий лик Спасителя, я спрашивала у него, стараясь не быть навязчивой: «А ты веришь в Бога?» Ему отчего-то становилось неловко, и мы начинали разговор о последних новостях из жизни родных и близких.

В разговоре дед, как все мужики, иногда мог позволить себе крепкое словечко. Но вот чтобы он имя Бога вставлял во фразы или между ними — такого не было. Я с этой привычкой борюсь до сих пор, и не всегда успешно. Нет-нет, да и скажу в сердцах что-то типа: «Боже мой!» — не как молитву, а так, для связки слов. Скажу и спохвачусь — да слово не воробей, вылетело уже...

Многие люди — верующие и нет, часто вставляют имя Бога везде, где не хватает слов, — хотя известно, что это грех. Он же как-то обходился без этого. Он всегда мне говорил, что в словах есть сила, которой нигде больше нет, при этом никогда не ругал и не учил меня жизни, с детства называл меня ЧЕЛОВЕКОМ (по его мнению, это всегда звучит гордо).

Дедушка Бога вспоминал дважды на моем веку. Первый раз — когда умерла моя бабушка, его жена, мать троих его сыновей. Мне было тогда всего шесть лет. Но я хорошо помню деда, постаревшего и неловкого в движениях, приехавшего после похорон в опустевшую, хотя и людную квартиру. В память врезался его глубокий вздох с таким надрывистым: «Господи! Люся, Люся, как же я один остался?!» Я отшатнулась от него, подумав: «Ну вот, с ума сошел, теперь еще молиться начнет», — тогда я почему-то стеснялась всего, что касается Бога и веры, и считала верующих людей «странными». Я была убеждена, что дед не просто так сказал это, а вроде как Бога позвал, и мне было отчего-то за него стыдно. После этого вздоха дед прожил почти двадцать лет — крепкий, сильный, с трезвым умом и житейской мудростью, верный и преданный любимой Люсе.

Второй вздох был посвящен мне. Попав однажды в тяжелое жизненное положение, я

поведала ему свою беду. Дедушка сидел на кухне за обеденным столом. Не поднимая на меня глаз (наверное, он не знал, как правильно выразить свою жалость), он молчал. Потом попросил выпить сто граммов — это бывало с ним редко и являлось знаком, что дед на пределе. Передвигаясь по кухне, я услышала за своей спиной: «Господи, тяжело-то как!» Меня словно током ударило от этих, казалось бы, «пустых» причитаний. Когда дед ушел к себе домой, я уже готовилась ко сну: в тот день он засиделся у нас. Спала я крепко, впервые за то смутное для меня время. А на следующий день ситуация стала казаться менее критичной, а потом и вовсе перестала выглядеть проблемой, уложившись в голове в схему под названием «очередной жизненный этап, который нужно пройти».

Сейчас деда нет. Он был крещен в детстве своей бабушкой тайком от родителей. Дед считал себя атеистом, отдавая дань своим родителям, оставаясь наивно верным им. Я считаю себя его внучкой и горжусь своим дедом. Мы часто его вспоминаем, и становится светло и грустно от того, что он уже не с нами. И хоть я плохая ученица, все же помню его урок, преподанный мне не нравоучениями, а жизнью: слово имеет цену.

Страшно разбрасываться святыми словами. Ведь имя Бога, сказанное из глубины души, может творить чудеса. Даже если оно было сказано всего несколько раз за всю жизнь!

Память будущих поколений, конечно же, на этом не заканчивается — впереди еще много работы.

Могу сказать, что моя жизнь значительно изменилась и, носясь словно сумасшедшая, я смогла сделать остановку. Невозможно искать смысл своей жизни, если ты оторванный листик, которому любой ветер попутный. Только питаясь соками от корней, ощущаешь в себе силы быть. Тогда не страшны апокалиптические настроения, потому что уже точно знаешь: конец света отменяется! Дерево продолжает жить и расти, когда крепки его корни, и каждый знает свое истинное место на этом Древе.

Прошлое содержится в нашей памяти лишь отрывками, будущее темно. Лишь настоящее могло бы быть озарено светом. Ведь мы полностью в нем. Однако именно оно оказывается непроницаемым, ибо ясным оно было бы лишь при полном знании прошлого, которое служит ему основой, и будущего, которое таит его в себе.
К. Ясперс